
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 811.111'25

ТИПОЛОГИЯ СТРАТЕГИЙ В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПЕРЕВОДА ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ДИСКУРСА

И. И. КОВАЛЕВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Описываются типы стратегий перевода документальных текстов в свете диалогической теории, предполагающей акцент на собственно интерактивном моменте межкультурного делового общения. Различаются стратегии десубъективизации содержания исходного текста, сохранения лица и адаптации темпорально-пространственных смыслов к принимающей культуре. Выделенные стратегии соотносятся с категориями эпистемности, акториальности, пространственности и темпоральности, выполняющими функцию общих координат интересубъективного пространства переводческого дискурса. В результате диалогического переводческого анализа документальных текстов определяются тактики и способы их перевода, в качестве главного критерия дифференциации которых рассматриваются межличностные отношения участников межкультурного делового взаимодействия. Предполагается, что изучение этих отношений позволит представить более детальную типологию диалогических стратегий перевода текстов, относящихся не только к документным, но и к другим жанрам.

Ключевые слова: диалогическая модель перевода; документальный дискурс; интересубъективное пространство; межкультурное деловое общение; стратегия перевода; тактика перевода; прием перевода.

Образец цитирования:

Ковалевская ИИ. Типология стратегий в диалогической модели перевода документального дискурса. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2018; 3:49–58.

For citation:

Kavaleuskaya II. Types of strategies in dialogical translation model of document discourse. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2018;3:49–58. Russian.

Автор:

Ирина Ивановна Ковалевская – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры межкультурной экономической коммуникации факультета международных бизнес-коммуникаций.

Author:

Iryna I. Kavaleuskaya, PhD (philology), docent; associate professor at the department of intercultural economic communication, faculty of international business communication. vickostserg@mail.ru

ТЫПАЛОГІЯ СТРАТЭГІЙ У ДЫЯЛАГІЧНАЙ МАДЭЛІ ПЕРАКЛАДУ ДАКУМЕНТАЛЬНАГА ДЫСКУРСУ

I. I. KAVALEŬSKAJA^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, пр. Партызанскі, 26, 220070, г. Мінск, Беларусь

Апісваюцца тыпы стратэгіі перакладу дакументальных тэкстаў у рэчышчы дыялагічнай тэорыі, якая пра-
дугледжвае акцэнт на ўласна інтэрактыўным моманце міжкультурных дзелавых зносін. Выяўляюцца стратэгіі
дэсуб’ектывізацыі зместу арыгінала, захавання твару і адаптацыі тэмпаральна-прасторавых сэнсаў да прыма-
ючай культуры. Вылучаныя стратэгіі суадносяцца з катэгорыямі эпістэмнасці, актарыяльнасці, прасторавасці
і тэмпаральнасці, якія выконваюць функцыю агульных каардынат інтэрсуб’ектыўнай прасторы перакладчыцкага
дыскурсу. У выніку дыялагічнага перакладчыцкага аналізу дакументальных тэкстаў вызначаюцца тактыкі і спо-
сабы іх перакладу, у якасці галоўнага крытэрыю дыферэнцыяцыі якіх разглядаюцца міжасобасныя адносіны
ўдзельнікаў міжкультурнага дзелавога ўзаемадзеяння. Выказана меркаванне пра тое, што вывучэнне гэтых
адносін дазволіць распрацаваць больш дэтальную тыпалогію дыялагічных стратэгіі перакладу тэкстаў, якія ад-
носяцца не толькі да дакументных, але і да іншых жанраў.

Ключавыя словы: дыялагічная мадэль перакладу; дакументальны дыскурс; інтэрсуб’ектыўная прастора;
міджкультурныя дзелавыя зносіны; стратэгія перакладу; тактыка перакладу; прыём перакладу.

TYPES OF STRATEGIES IN DIALOGICAL TRANSLATION MODEL OF DOCUMENT DISCOURSE

I. I. KVALEUSKAYA^a

^aBelarusian State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

The paper discusses the types of strategies of document translation from the perspective of the dialogical theory focusing
on the interactive nature of intercultural business communication. It distinguishes the strategies of desubjectivization of
the source text content, face saving and adaptation of space and time implications to the target culture. The strategies are
associated with the categories of epistemicity, actoriality, spatiality and temporality as the common intersubjective space
coordinates of translation discourse. The dialogical translation analysis of documents reveals their translation tactics
and techniques. The intercultural communication participants' relations are considered as the main criterion for their
classification. The study of these relations is assumed to allow for more detailed classification of dialogical translation
strategies of documents as well as other genres.

Key words: dialogical translation model; document discourse; intersubjective space; intercultural business
communication; strategy of translation; tactic of translation; technique of translation.

Введение

Принципиальным моментом, определяющим современное развитие науки о переводе, является
изучение переводческой деятельности как процесса межъязыковой и межкультурной коммуникации
в русле определенных коммуникативных – функционально-прагматической [1], коммуникативно-функ-
циональной [2], деятельностной [3], дискурсивно-коммуникативной [4] – и когнитивных теорий [5; 6].
В значительной степени их расширяет и объединяет диалогическая переводческая концепция, базиру-
ющаяся на теории диалогичности гуманитарного познания М. М. Бахтина [7].

Теоретические основы исследования

Из ключевых постулатов диалогической теории следует прежде всего отметить необходимость ана-
лиза перевода как интерпретативно-порождающего дискурса, сущность которого «кроется в слиянии
в одном процессе двух фаз: интерпретации переводчиком оригинала и порождения на базе этой ин-

терпретации текста перевода» [7, с. 79]. Фаза интерпретации предполагает понимание мира смыслов отправителя исходного текста (далее – ИТ), а также перевод понятого содержания и концепта в словесно-знаковую форму. Фаза порождения переводного текста (далее – ПТ) предусматривает соположение данной формы с кодом языка перевода с учетом иной культуры. Рассмотрение всех аспектов и определяющих факторов, как собственно языковых, так и внешних по отношению к языку, но прямо или косвенно влияющих на выбор языковых единиц на каждой фазе, позволяет перенести акцент с языка как системы и ПТ как единицы языка на ПТ как дискурс.

На фазе интерпретации переводчик сознательно или неосознанно понимает оригинал по-своему и устанавливает баланс соположения двух языков, культур. Таким образом, переводчик, который становится не только интерпретатором, но и аналитическим критиком ИТ, выступает как главный антропоцентр интерпретативно-порождающего дискурса.

Не только переводчик корректирует исходный смысл в первой и второй фазах переводческого процесса – реальный адресат также осуществляет коррекцию как собственную рефлексию в структуре своего сознания. Достижение баланса интерпретаций исходного смысла переводчиком и адресатом возможно при условии готовности переводчика к диалогу. Таким образом, перевод интерпретируется как целенаправленная лингвопсихоментальная преобразующая деятельность личности переводчика, погруженная во множественные диалогические отношения ввиду постоянного соотношения им собственного интерпретационного процесса ИТ с программированием интерпретации адресатом ПТ [7, с. 79].

Такое понимание сущности перевода позволяет рассматривать диалогичность в качестве его базового свойства и анализировать переводческий дискурс как процесс поиска возможных ответов на волнующие переводчика вопросы, с одной стороны, и как процесс смыслопорождения, в который вовлекаются автор, сам переводчик и адресат, с другой.

Все участники диалога манифестированы сферами индивидуального сознания, которое включает ментальные лексиконы, сопряженные с невербальным когнитивным пространством, а также иные, отличные от мышления смыслопорождающие психические функции (ощущения, чувствования, интуиция и пр.), коррелирующие со сферами бессознательного. Соответственно, каждый из коммуникантов по-своему понимает смысл текста. Диалог, который организует переводчик для достижения оптимальной сбалансированности интерпретаций исходного смысла, протекает в пределах общего смыслового поля как основы для понимания. Данный коммуникативный универсум описывается иначе в терминах интересубъективного пространства, имеющего подвижный характер, поскольку переводчику, который соотносит исходный смысл с контекстом, определяющим не только личные, социально-групповые, но и национально-культурные особенности межкультурной коммуникации, приходится постоянно его корректировать в первой и второй фазах. В связи с этим содержание ИТ активно конструируется в процессе речевого взаимодействия. При этом выбор переводчика как языкового посредника определяется общей **диалогической** стратегией, направленной на благополучное разрешение контакта участников межкультурной коммуникации.

Диалогическое взаимодействие при переводе предполагает исключение элементов неоднозначности и создание интересубъективного пространства, в основе которого лежат общие элементы. Эти «точки контакта», которые так или иначе отсылают к культурному коду адресата ПТ, выполняют функцию диалогических маркеров и обнаруживаются на семантическом, структурном и прагматическом уровнях анализа переводческого дискурса [8, с. 36].

При решении частных переводческих проблем возникает необходимость выбора стратегий, соотношение которых с глобальной диалогической стратегией является гипо-гиперонимическим, поскольку они используются при переводе отдельных фрагментов текста на другой язык. Способ структурирования и семантического наполнения информативного содержания ПТ можно определить как предпочитаемый в реципиентной культуре подход к презентации информации в тексте и выбору языковых способов достижения прагматического эффекта. В условиях диалогического общения, в котором предполагается нейтрализация противопоставлений ментальных миров в целом (*свой мир – чужой мир*), переводческие стратегии направлены на согласование отдельных концептов и ментальных структур, введение чужих концептов в свой мир и своих концептов в чужой мир.

Четкая дифференциация стратегий перевода считается возможной, по мнению Т. П. Андриенко, по таким критериям, как характер объектов, на которые эти стратегии направлены; характер действий, которыми они управляют; уровни процессов, которые они контролируют [9, с. 157–158].

Первый критерий представляется более универсальным. Переводческие стратегии направлены на основные параметры-координаты общего интересубъективного пространства, которое иначе описывается как «коммуникативный универсум» в динамической теории межкультурной коммуникации

Э. Клюканова. К ним автор относит категории эпистемности, акториальности, пространственности и темпоральности¹.

Эпистемность отражает особенности восприятия окружающей действительности определенной культурой. Для их актуализации переводчик прибегает к стратегии **десубъективизации** ИТ, т. е. «извлечения» его субъективного смысла, с тем чтобы адекватно его объективировать применительно к новой ситуации [2, с. 105].

Извлечение и реконструкция информации ИТ невозможны без его понимания, в основе которого, согласно определению Т. А. Фесенко, «лежит процедура построения индивидуального семантического вывода, позволяющая переводчику восстановить редуцированную, неявно выраженную информацию», поскольку успешный или неуспешный перевод зависит от точности данного семантического вывода переводчика относительно целей и интенции автора оригинала. При этом следует иметь в виду, что «интенциональный смысл» оригинала никогда не тождественен «рецептивному смыслу», т. е. тому, который извлекает из него его реципиент [10, с. 60].

Категория акториальности связана с образами автора оригинала и адресата ПТ, их прагматическим потенциалом. Согласно дефиниции, предложенной Э. Клюкановым, акториальность позволяет описать коммуникативное расстояние между представителями разных культур, т. е. степень зависимости речевого поведения от мнения сообщества, приоритет сохранения лица как уважения со стороны других либо самоуважения.

Понятие лица, введенное Э. Гоффманом, трактуется как позитивный общественный облик (*positive public self-image*), которым стремится обладать каждая личность [11, р. 5]. В концепции П. Браун и С. Левинсона выделяются две основные части – «позитивное лицо» и «негативное лицо». Первое понятие совпадает по содержанию с дефиницией, предложенной Э. Гоффманом, и противопоставляется понятию «негативное лицо», подразумевающему желание иметь свободу действий и недопустимость вмешательства со стороны других [12, р. 61–62]. Согласно подходу П. Браун и С. Левинсона в реальной коммуникации существует множество речевых актов, которые «угрожают лицу» (*face threatening acts*). Эти речевые акты дифференцируются в зависимости от того, кому они принадлежат – говорящему или слушающему – и какому лицу угрожают – позитивному или негативному [12, р. 65–68].

Являясь естественной и важной частью диалога, «лицоугрожающие акты» не представляют собой какого-либо отклонения от правил коммуникации и очень распространены, поэтому в процессе общения, в том числе и межкультурного, предполагаются адаптационные изменения, направленные на **сохранение лица**.

Категория пространственности интерпретируется И. Э. Клюкановым как приемлемая в обществе степень авторитарности, обуславливаемая его социально-историческим развитием. Темпоральность отражает отношение представителей культуры ко времени. В современной теории дискурса обе категории рассматриваются как непосредственные компоненты хронотопа, представляющего собой единство темпорально-пространственных смыслов дискурса. В процессе межкультурного общения эти смыслы различаются, поскольку преломляются в соответствии с индивидуальной картиной мира каждого из его участников. В связи с этим создание гармоничного ПТ возможно только в результате успешной **трансляции темпорально-пространственных смыслов**, которая достигается посредством их адаптации к принимающей культуре.

Стратегии, направленные на выделенные Э. Клюкановым параметры-координаты, носят универсальный характер, поскольку являются непосредственно связанными с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей и поведение (как физическое, так и интеллектуальное).

Более детальная типология переводческих стратегий возможна за счет анализа тактик, реализующих те или иные стратегические задачи. Для их дифференциации В. В. Сдобников предлагает обратить внимание на тактики, использующиеся для достижения коммуникативно-равноценного перевода. К ним автор относит тактики **точной и полной передачи информации** (предусматривает использование эквивалента или создание нового соответствия в языке перевода), **передачи подразумеваемой информации** (обусловлена разным соотношением эксплицитного и имплицитного содержания в языках ИТ и ПТ), **стилистической адаптации** перевода посредством особых его преобразований, связанных со стилистикой ИТ, **воссоздания стилистических особенностей** ПТ в целях оказания прогнозируемого прагматического воздействия на его получателей, **корректной передачи информации** путем редактирования ПТ в соответствии с нормами языка перевода (метрические обозначения, кавычки, собственные имена и названия и т. п.), **прагматической адаптации** перевода (предполагает внесение определенных поправок на социально-культурные, психологические и иные различия между получателями ИТ и ПТ) [13, р. 863].

¹Клюканов И. Э. Динамика межкультурного общения: к построению нового концептуального аппарата : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. Саратов, 1999. С. 23–26.

Разделение переводческих решений на стратегии и тактики можно использовать как исследовательский прием, позволяющий провести комплексный переводческий анализ текстов, относящихся к различным жанрам, и систематизировать известные решения, связанные с переводом, не ограничивая при этом число новых решений.

Результаты и обсуждение

Применительно к переводу документальных текстов, функционирующих в профессиональной сфере межкультурного делового общения, отметим, что разработка вопросов, связанных с его эффективностью и совершенствованием, является одной из ключевых задач лингвистов на фоне сложных интеграционных процессов, происходящих сегодня в жизни общества, и неуклонного роста международных деловых контактов. Современные языковеды часто выходят за рамки системного описания языка, вступая в междисциплинарную сферу социо-, прагма-, психолингвистики в поисках особенностей языковых картин мира и их связи с культурой, и предлагают свой вариант исследования межкультурного делового общения, выражающий лишь его определенный аспект. Результаты этих исследований служат основой для выявления возникающих в процессе межкультурного делового общения элементов неоднозначности, которые могут устраняться путем применения выделенных выше переводческих стратегий и тактик.

Тексты документов, являющиеся материалом данного исследования, классифицируются Н. Ю. Чигридовой как документные, рекламные и деловые эпистолярии. Выделенные жанры различаются самоназванием, сферой функционирования, формуляром и коммуникативным замыслом². В рамках диалогической переводческой концепции для дифференциации трех групп жанров, кроме указанных конститутивных признаков, релевантными являются межличностные отношения коммуникантов, которые формируются под влиянием различных социально-культурных факторов и могут быть «неравноправными» или «равноправными».

Первый «неравноправный» тип отношений (*адресант выше по статусу – адресат*) представлен в организационно-распорядительных документах, которые наглядно демонстрируют национальную специфику такого дискурсивного события, как решение организационно-административных вопросов. Прагматический анализ англо- и русскоязычных документных текстов, проведенный А. О. Стеблецовой, показал, что при решении организационно-административных вопросов используются только один тип англоязычного текста – письмо (*e-mail*), в котором «работают дискурсивные действия просьбы и напоминания», и три типа русскоязычных текстов – приказы, распоряжения и служебные записки, выбор каждого из которых определяется исключительно статусом адресанта³.

Различия в социальном статусе участников делового общения находят выражение в организационно-распорядительной документации и традиционно интерпретируются в связи с лингвокультурной категорией дистанции, которая является синонимичной понятиям «солидарность», «близость», «знакомство», «межличностные отношения». Дистанция по-разному воспринимается представителями индивидуалистических культур, которые характеризуются более низким индексом власти, и коллективистских культур, где этот индекс выше.

Носители английского языка, как представители выраженной индивидуалистической культуры, стремятся к сохранению социальной (или горизонтальной) дистанции, не допускающей тактильную коммуникацию, коммуникативное давление на адресата, прямолинейность при выражении тех или иных коммуникативных интенций и высокую степень формальности в общении. Дистанцированность (или дистантность) является ключевым концептом в общей системе мировосприятия англоязычной общности и, соответственно, одной из ее главных ценностных ориентаций [14, с. 197].

В коллективистских культурах, к числу которых принадлежит культура русскоязычная, межличностные деловые отношения выстраиваются по вертикальной шкале, поэтому функция установления соответствия между статусом адресанта/адресата и положением дел реализуется с помощью русскоязычных приказов, распоряжений и служебных записок, не имеющих аналогов среди англоязычных организационно-распорядительных документов. Данные тексты (наряду с текстами законов, местной прессой, объявлениями и пр.) отвечают специфическим потребностям аудитории ИЯ. Наглядным примером, демонстрирующим специальную предназначенность организационно-распорядительной документации для аудитории ИЯ, является следующий текст приказа об увольнении сотрудника с работы:

²Чигридова Н. Ю. Речевое поведение в жанре деловых эпистолярий : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Ростов н/Д, 1999. С. 46.

³Стеблецова А. О. Национальная специфика делового дискурса в сфере высшего образования (на материале англоязычной и русскоязычной письменной коммуникации) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20. Воронеж, 2015.

Об увольнении с работы

УВОЛИТЬ:

КОПЕЙКО Андрея Владимировича, юрисконсульта юридического отдела, 16.01.2016 за неоднократное нарушение нанимателем сроков выплаты заработной платы, установленных в трудовом договоре, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 35 Трудового кодекса Республики Беларусь с выплатой выходного пособия в размере двухнедельного среднего заработка (ч. 3 ст. 48 Трудового кодекса Республики Беларусь).

Трудовой отпуск использован по 31.12.2016.

Основания:

- 1) Заявление Копейко А. В. от 16.01.2016;*
- 2) трудовой договор Копейко А. В. от 01.02.2012 № 25;*
- 3) акт проведенной управлением Департамента государственной инспекции труда по г. Минску проверки от 14.01.2016 № 8-з.*

Директор общества

Начальник юридического отдела

Подпись

Подпись

(Источник: www.ilex-private.ilex.by)

Чтобы ответить на вопрос о том, можно ли воспроизвести текст данного приказа на другом языке, обратимся к лингвистической переводческой концепции. В рамках данной концепции постулируется некорректность теории непереводимости и отрицается необходимость воспроизведения с абсолютной полнотой языкового своеобразие ИТ, ориентированности его содержания на определенный языковой коллектив, обладающий лишь ему присущими фоновыми знаниями и культурно-историческими особенностями, и, следовательно, создания тождественного текста. Главное, чтобы отсутствие тождественности не мешало переводу выполнять те же коммуникативные функции, для реализации которых был написан текст оригинала [15, с. 39]. Выполнение этих функций ПТ является главным требованием к переводу, предусматривает передачу коммуникативного эффекта ИТ и выделение ведущего прагматического уровня эквивалентности, включающего такие важные для перевода элементы, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект и установка на адресата [1, с. 145]. Все эти элементы воссоздаются на фазе порождения ПТ в коммуникативной ситуации, не являющейся идентичной исходной, поскольку отправители ИТ и ПТ не могут, создавая их, не видеть за ними разных получателей. Поскольку коммуникативная интенция и коммуникативный эффект ИТ, как и установка на его адресата, не тождественны соответствующим элементам ПТ, при передаче ИТ на другой язык обязательной является его адаптация к вторичной коммуникативной ситуации.

С позиций диалогической концепции адаптация перевода к новым коммуникативным условиям, как отмечалось ранее, осуществляется путем «извлечения» субъективного смысла ИТ. При анализе русскоязычного приказа следует отметить высокую степень категоричности выраженного в нем побуждения к действию и облигаторность его выполнения для адресата. Использование инфинитива в функции маркера прямого побуждения к определенным действиям, имен собственных и отсутствие обращений, личных местоимений в приказе обуславливается прагматической установкой на управление действиями подчиненных, несущих персональную ответственность за надлежащее исполнение пунктов, которые их непосредственно касаются. Выделенные маркеры указывают на приоритетность социального статуса адресанта как представителя коллективистской культуры.

Оказание прогнозируемого коммуникативного эффекта русскоязычного текста приказа на представителя англосаксонской культуры, исключающей коммуникативное давление на адресата, требует воссоздания определенных стилистических особенностей ПТ при его передаче на английском языке. Результатом применения указанной тактики является замена жанрово-тематического типа ИТ при переводе. В конкретном случае гармоничным вариантом ПТ, в интересубъективном пространстве которого возможно истинное межкультурное взаимодействие представителей коллективистской и индивидуалистической культур, является следующий текст письма:

Termination of service

Dear Mr. ...

This is to inform you that your employment with... (the name of the Company) has been terminated since... (the date).

We had no other choice than terminating you from your employment as provided in... (clause, part, section No.) of... (document title) since the wage payment deadline stated in the Service Contract has been repeatedly missed. You will be paid a two-week salary as a last and final compensation (clause, part, section No.) of... (document title).

We wish you all the best for the future.

Enclosed:

1) Letter of Resignation of... (the date);

2) Service Contract of... (the date);

3) State Labor Inspectorate Department Administration's Inspection Certificate of... (the date).

Legal Department Manager;

Sincerely,

(the name).

Воссоздание жанрообразующих признаков ПТ в целях оказания прогнозируемого прагматического эффекта осуществляется при передаче текста на английском языке на всех трех уровнях – прагматическом, семантическом и структурном.

На прагматическом уровне отметим изменение речеактного содержания ИТ, которое достигается путем замены основного директивного речевого акта (*УВОЛИТЬ: КОПЕЙКО Андрея Владимировича, юриконсульта юридического отдела, 16.01.2016 за...*) репрезентативом (*This is to inform you that your employment with... has been terminated since...*) и добавлением других репрезентативов (*We had no other choice than terminating you from your employment... You will be paid...*), направленных на информирование адресата о текущем состоянии дел. Благодаря употреблению данных речевых актов общая тональность межъязыковой деловой коммуникации становится более дружелюбной и располагающей к диалогу.

В качестве «точек контакта», отсылающих к ценностям принимающей культуры, можно выделить обращение *Dear* и завершающую формулу *Sincerely*. Использование обращения в контактоустанавливающей функции в англоязычном деловом письме является обязательным, в отличие от русскоязычных документов, в которых указанную функцию выполняет реквизитный блок с полными данными адресата и его фамилией в дательном падеже. Если к адресату в англоязычном документе обращаются по имени, то в завершающей части письма обязательно используется формула *Sincerely*.

Этикетными правилами англоязычного делового письма также обуславливается добавление речевой формулы *We wish you all the best for the future*, выражающей пожелание удачи в делах в будущем. Ее использование в контексте англоязычных писем об увольнении позволяет сгладить общее неприятное впечатление от их содержания.

Более полная передача информации ИТ при переводе на английский язык осуществляется путем создания новых соответствий в языке перевода, ср.: рус. *Управление Департамента государственной инспекции труда* – англ. *State Labor Inspectorate Department Administration*; рус. *акт проверки* – англ. *Inspection Certificate*. Наименования соответствующего органа управления и документа создаются при переводе путем замены цепочек существительных в родительном падеже атрибутивными препозитивными конструкциями. Использование последних характерно для английского языка, относящегося к группе аналитических языков, в которых грамматические отношения строятся через синтаксис, служебные слова и фиксированный порядок слов.

Ввиду разного соотношения эксплицитного и имплицитного содержания в русском и английском языках в ПТ опускается причастный оборот *проведенной по городу Минску*, поскольку адресату несложно предположить, что проводилась проверка по юридическому адресу компании, который обязательно указывается в ее реквизитах. По аналогии в английском словосочетании *a last and final compensation*, представляющем собой разновидность контекстуальной замены русского терминологического выражения с более узким значением *выходное пособие*, имплицитно содержится содержание исходного высказывания об использовании трудового отпуска и отсутствии необходимости дополнительных выплат по увольнению.

Десубъективизация ИТ предполагает использование тактики корректной передачи информации, которая реализуется при переводе путем редактирования исходных названий документов и должностей в соответствии с нормами английского языка, требующими написания всех компонентов с заглавной буквы, ср.: рус. *трудовой договор* – англ. *Service Contract*; рус. *акт проверки* – англ. *Inspection Certificate*; рус. *начальник юридического отдела* – англ. *Legal Department Manager*.

Личностно ориентированным характером англоязычного делового письменного общения обуславливаются адаптационные изменения ПТ, связанные с категорией лица, выражающей значение персональности. Посредством добавления местоимений *you* и *your* осуществляется прагматическая адаптация ПТ, направленная на сохранение лица в интересубъективном пространстве переводческого дискурса.

Таким образом, диалогические стратегии и тактики перевода русскоязычного приказа направлены на презентацию информации в ПТ с позиций предпочитаемого в англосаксонской культуре подхода.

Благодаря их использованию изменяется тип межличностных отношений автора оригинала и адресата перевода. Между ними нет дистанции: они осуществляют межкультурную деловую коммуникацию на равных. Такой тип отношений является характерным в целом для англоязычной деловой письменной коммуникации и предусматривает замену «ликоугрожающих» речевых актов, как, например, в предложенном ниже фрагменте перевода русскоязычного письма-требования на английский язык:

ИТ

Мы возвращаем Вам некондиционный товар отдельной, заранее оплаченной посылкой с тем, чтобы Вы заменили его как можно скорее...

(Источник: www.delo-angl.ru)

ПТ

*We are returning the defective dresses by separate mail, carriage forward, and **would ask you to replace them** as soon as possible...*

Речевой акт требования в ИТ, автор которого настаивает на замене некачественного товара, передается при переводе речевым актом просьбы путем **добавления** английского глагола *to ask* в форме сослагательного наклонения, благодаря чему снижается давление на адресата.

«Ликоугрожающими» в контексте англоязычного делового письменного общения являются главным образом речевые акты, выражающие высокую степень долженствования или негативную для адресата информацию. Их использование является неприемлемым как для участников деловой переписки, так и для сторон, взаимодействующих в рамках контрактной деятельности.

Контракты регламентируют взаимодействие между бизнесменами и поставщиками, работодателями и работниками, все маркетинговые операции, финансовую деятельность, что подчеркивает необходимость сохранения симметричных отношений между сторонами, представляющими различные национальные культуры.

На примере перевода следующего фрагмента русскоязычного контракта рассмотрим, каким образом «извлекается» субъективное содержание ИТ и выражается в переводе:

ИТ

*Если однозначно **не согласовано** иное, предоставляемое компанией «Avira» программное обеспечение **должно** соответствовать актуальному современному уровню развития технологии...*

(Источник: www.avira.com)

ПТ

***Unless** expressly agreed otherwise, the Software provided by Avira **shall** be in line with the current-state-of-the-art technology...*

Десубъективизация содержания ИТ при передаче на английский язык осуществляется путем стилистической адаптации перевода, в котором вместо исходного придаточного предложения употребляется причастный оборот с союзом *unless*, имплицитующим отрицательное значение исходного высказывания. Использование **антонимического приема** переводчиком согласуется с тем, что стилисты называют *positive thinking* [16, p. 19]. Позитивная установка на решение проблемы, характерная для представителей англосаксонской культуры, проявляется в их стремлении по возможности избегать отрицательных характеристик.

Другим маркером субъективного содержания русскоязычного текста, отражающего отношение адресанта к сообщаемому, служит краткое прилагательное *должно*. Его прямым соответствием в английском языке служит модальный глагол *must*, употребление которого является не вполне уместным в англоязычном деловом общении, предусматривающем сведение коммуникативного воздействия до минимума [14, с. 256]. В связи с этим возникает необходимость ослабления значения долженствования путем **замены** русского прилагательного в ПТ английским модальным глаголом *shall*, областью применения которого являются приказ, обозначение обязанности, распоряжения или указания для третьего лица, но в более мягкой форме, чем с помощью *must*.

Особое значение для реализации не только внутриязыковых и межъязыковых, но и внутрикультурных и межкультурных закономерностей деловой письменной коммуникации играет адаптация темпорально-пространственных смыслов ИТ, возможная только при полном освоении переводчиком интертекстов родной и чужой культур.

На примере следующего перевода письма-претензии к составу полученной партии товара рассмотрим, как актуализируются темпорально-пространственные смыслы ИТ при передаче на английский язык:

ИТ

Уважаемые господа!

Наконец партия вашего товара была доставлена вчера из терминала в аэропорту.

Количество ящиков **соответствует** Вашему отгрузочному извещению, но мы были удивлены, увидев, что их содержимое соответствует позиции FFT в Вашем каталоге, а не 7FT, как мы заказывали. Вероятно, ошибка произошла из-за неправильного чтения нашего бланка заказа. Мы храним товар FFT **до получения Вашего распоряжения**, но просим Вас предоставить товар, заказанный нами, без промедления.

В случае если указанная проблема не будет Вами решена, мы вынуждены будем обратиться в суд для разрешения возникшего спора.

С уважением...

(Источник: www.delo-angl.ru)

ПТ

Dear Sirs,

Your shipment was **at last** delivered from the air freight terminal yesterday.

The number of cases **checked with** your advice note but we were surprised to find that their contents corresponded to item FFT of your catalogue and not the 7 FT's we had ordered. The mix-up is likely due to misreading our order sheet. We are holding the FFT's **at your disposal** but must urgently request that you **let us have** the items we did order without delay.

Should you not solve this problem, we will have to take the matter to the court to resolve this dispute.

Yours faithfully...

Как видно из ИТ и ПТ, их темпоральный план совпадает не полностью. Использование в начале предложения наречия *at last* неприемлемо, поскольку в данной позиции английские наречия времени употребляются исключительно в целях эмпазы и привлечения внимания адресата к сообщаемому. В контексте англоязычного письма-претензии, следуя известной позитивной установке, переводчик переставляет данное наречие в иную позицию, чтобы избежать акцентирования отрицательных эмоций, связанных с несвоевременной доставкой товара.

Различия в выражении темпорального смысла ИТ обнаруживаются в переводе высказывания, констатирующего соответствие количества полученных ящиков отгрузочной документации. В ПТ форма настоящего времени исходного предиката **заменяется** формой прошедшего времени ввиду присущего английскому языку явления согласования времен.

В результате несовпадения темпорально-пространственных полей ИТ и ПТ редуцированный предикат *до получения Вашего распоряжения* в функции обстоятельства времени **заменяется** словосочетанием *at your disposal* в функции обстоятельства места, расширяющего временные рамки выражаемого автором письма коммуникативного намерения. Такая функциональная замена способствует гармонизации темпорально-пространственных смыслов в intersubъективном пространстве переводческого дискурса.

Подводя итог данного исследования, отметим, что все выделенные в русле диалогической переводческой концепции стратегии (десубъективизация, сохранение лица и адаптация темпорально-пространственных смыслов) применяются в целях естественной интеграции ПТ в принимающую культуру и взаимопонимания коммуникантов. Использование данных стратегий для правильного решения переводческих проблем в процессе межкультурного делового общения предусматривается на фазах интерпретации ИТ и порождения ПТ. Тактики и способы реализации диалогических стратегий соотносятся с типом межличностных отношений, формирующихся в intersubъективном пространстве переводческого дискурса. Перспективным является дальнейшее изучение разноуровневых средств диалогизации в переводе текстов, относящихся не только к документным, но и к другим жанрам.

Библиографические ссылки

1. Швейцер АД. *Теория перевода. Статус. Проблемы. Аспекты*. Москва: ЛИБРОКОМ; 2009.
2. Львовская ЗД. *Современные проблемы перевода*. Москва: ЛКИ; 2008.
3. Галеева НЛ. *Основы деятельностной теории перевода*. Тверь: Тверской государственный университет; 1997.
4. Волкова ТА. *Дискурсивно-коммуникативная модель перевода*. Москва: ФЛИНТА; 2010. Совместное издание с «Наука».
5. Gile D. *Basic Concepts and Models for Translator and Interpreter Training*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company; 1995.
6. Злобин АН. *Перевод в когнитивном формате знания*. Саранск: Издательство Мордовского университета; 2012.
7. Селиванова ЕА. Модель перевода в парадигмальном пространстве современной лингвистики. *Культура народов Причерноморья*. 2003;37:79–82.
8. Ковалевская ИИ. Диалогическая стратегия и основные приемы ее реализации при переводе деловых писем. *Вестник БДУ. Серія 4, Філологія. Журналістика. Педагогіка*. 2015;1:35–38.

9. Андриенко ТП. Стратегии перевода в системе переводческой деятельности. *Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Філологія*. 2014;9:156–158.
10. Фесенко ТА. Лингвоментальная модель перевода. В: Красных ВВ, Изотов АИ, редакторы. *Язык, сознание, коммуникация. Выпуск 20*. Москва: МАКС Пресс; 2001. с. 58–62.
11. Goffman E. *Interactional Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior*. New York: Doubleday & Company; 1967.
12. Brown P, Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press; 1987.
13. Sdobnikov VV. Strategy and Tactics of Translating Special Texts. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2012;5(6):861–867.
14. Ларина ТВ. Категория вежливости и стиль коммуникации. *Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. Москва: Рукописные памятники Древней Руси; 2009.
15. Комиссаров ВН. *Теория перевода (лингвистические аспекты)*. Москва: Высшая школа; 1990.
16. Strunk JW, White EB. *The Elements of Style*. Massachusetts: Allyn & Bacon; 2000.

References

1. Shvejser AD. *Teoriya perevoda. Status. Problemy. Aspekty* [Theory of translation. Status. Problems. Aspects]. Moscow: LIBROKOM; 2009. Russian.
2. L'vovskaja ZD. *Sovremennye problemy perevoda* [Modern problems of translation]. Moscow: LKI; 2008. Russian.
3. Galeeva NL. *Osnovy deyatel'nostoi teorii perevoda* [The basics of activity translation theory]. Tver: Tver State University; 1997. Russian.
4. Volkova TA. *Diskursivno-kommunikativnaya model' perevoda* [Discourse and communication translation model]. Moscow: FLINTA; 2010. Co-published by the «Nauka». Russian.
5. Gile D. *Basic Concepts and Models for Translator and Interpreter Training*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company; 1995.
6. Zlobin AN. *Perevod v kognitivnom formate znaniya* [Translation in the cognitive format of knowledge]. Saransk: Mordovia State University; 2012. Russian.
7. Selivanova EA. The model of translation in the paradigm space of modern linguistics. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the peoples of the Black Sea region]. 2003;37:79–82. Russian.
8. Kovalevskaya II. Dialogue strategy and main methods of implementation. *Vesnik BDU. Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika* [Journal of the BSU. Series 4, Philology. Journalism. Pedagogics]. 2015;1:35–38. Russian.
9. Andrienko TP. Translation strategy in the system of translation activity. *Naukovij visnik Mizhnarodnogo humanitarnogo universitetu. Serija: Filologija* [International Humanitarian University Herald. Philology]. 2014;9:156–158. Russian.
10. Fesenko TA. [Linguistic and mental translation model]. In: Krasnykh VV, Izotov AI, editors. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. Vypusk 20* [Language, consciousness, communication. Issue 20]. Moscow: MAKS Press; 2001. p. 58–62. Russian.
11. Goffman E. *Interactional Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior*. New York: Doubleday & Company; 1967.
12. Brown P, Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press; 1987.
13. Sdobnikov VV. Strategy and Tactics of Translating Special Texts. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2012;5(6):861–867.
14. Larina TV. *Kategoriya veshlivosti i stil' kommunikatsii. Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [Politeness category and communication style. Comparison of English and Russian linguocultural traditions]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi; 2009. Russian.
15. Komissarov VN. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of translation (linguistic aspects)]. Moscow: Vysshaya shkola; 1990. Russian.
16. Strunk JW, White EB. *The Elements of Style*. Massachusetts: Allyn & Bacon; 2000.

Статья поступила в редколлегию 23.03.2018.
Received by editorial board 23.03.2018.